

Литература:

1. Бердяев Н. А. Самопознание // Судьба России. Самосознание. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – 544 с.
2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. – СПб.: Кристалл, 2001. – 639 с.
3. Ильин И. А. Путь к очевидности // Почему мы верим в Россию: Сочинения. – М.: Эксмо, 2006. – 912 с.
4. Душина Т. В., Лагунов А. А. Объективное и субъективное в религиозно-общественной жизни // Философия права. 2009. № 5. С. 107-112.
5. Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 1600 с.

ТИПЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ: ПРОБЛЕМА ДЕМАРКАЦИИ ВНЕНАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Фархитдинова Ольга Михайловна,

Кандидат филос. наук, доцент, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

TYPES OF RATIONALITY IN MODERN SCIENCE: THE PROBLEM OF DEMARCATION

Farkhitdinova Olga, Candidate of Science, assistant professor of Ural Federal University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ

В статье ставится проблема демаркации типов рациональности в современной науке. Методологическим принципом является эпистемологический полиморфизм. Предлагается вывод о наличии ситуации диссонанса познавательных и объяснительных возможностей человека.

Ключевые слова: рациональность, наука, многообразие, типы рациональности, эпистемологический полиморфизм

ANOTATION

The article raises the problem of demarcation of types of rationality in modern science. The methodological principle is epistemological polymorphism. Proposed conclusion about the existence of a situation of cognitive dissonance and explanatory abilities of a person.

Keywords: rationality, science, diversity, types of rationality, epistemic polymorphism

О науке во всех ее различных вариантах говорят ученые и технологи, обучающиеся и профессионалы, обыватели и увлеченные тем или иным способом видения мира. Современный человек обнаруживает множество сфер для применения научных знаний и достижений. Имре Лакатос когда-то высказал замечание, которое сегодня, будучи озвучено по праву обрисовывает перспективы иных типов «рациональности». А именно: «С точки зрения Куна, изменение знания – от одной парадигмы к другой – мистическое преобразование, у которого нет и не может быть правил. Это предмет психологии (возможно, социальной психологии) открытия. Изменение научного знания подобно перемене религиозной веры». [1, с. 274] Научная революция, обозначая собой качественный слом, процесс коренного переворота представлений о строении мира и положения в нем человека, не происходит каждые сто лет. Это этапы длительных и накопленных изменений, в их числе и типы рациональности.

Есть так называемые специфические понятия, которые маркируют эти изменения. Так, современная наука сочетает в себе «многообразие» в том виде и в тех контекстуальных значениях, которые были известны, еще во второй половине XIX века. Обозначим, что речь идет о так называемом топологическом многообразии, начало ис-

следований, которому было положено в дифференциальной геометрии. В области же философии данное понятие отразило ситуацию особого отношения между герменевтикой и эпистемологией: «эпистемология, в этом смысле, берет на себя заботу о серьезной и важной «познавательной» части (части, в которой мы имеем дело с нашими обязательствами перед рациональностью), а герменевтика – обо всем остальном». [2, с. 236] Но чем, более многообразной становится роль науки в обществе, тем более основательно приходится участвовать ученым в жизни общества. Этот вывод Вернера Гейзенберга о роли науки в обществе, высказан был в итогах бесед с коллегой в августе 1945 года, сегодня приобретает новое звучание.

Полиморфизм в подходах, аспектах, методах, точках зрения, становится характерным симптомом нашего времени. Своего рода культ несочетаемых явлений сопровождает распространение научного потенциала как для индивидуального, профессионального, так и для массового сознания. Отражение в современных научных исследованиях достижений прошлого, создает некоторую критическую массу, которая направлена на переоценку значения этого наследия. Многообразие сопровождает и личностное бытие. Признание сферы религиозного опыта, соперничает с большим количеством значений, приписываемых феноменам, интерпретация которых выходит за

рамки научного дискурса и сопряжена с индивидуальными ценностными ориентирами, приоритетами, убеждениями и верой.

Различие подходов и аспектов привело к типам рациональности, которые прямо противоположны друг другу. Так называемый «познавательный диссонанс», по утверждению Николаса Решера, в отношении озадачивающих явлений, накопленный веком активных трансформаций в науке – веком XX, в нынешнем, нашем столетии стал причиной изменений объяснительных схем.

Одним из таких типов рациональности, требующих не столько пояснения, сколько понимания является знание, в отношении которого высказываются разные суждения: недоказуемо, непонятно, необъяснимо. А это, в определенной степени сопровождает практически все науки: фундаментальные и прикладные исследования. Исследования, которые касаются дифференциальных областей в той или иной сфере познавательной практики. И те, которые фиксируют изменения смыслов повседневного человеческого бытия, его ориентиров, позиций.

Проблематичность и дискуссионность, как первого, так и второго понятий выдает существующие разногласия на эту тему, диссонанс. Академический дискурс так широк, что одно лишь обозначение проблемы не вызывает внимания к себе. Необходимы аргументы, претендующие на статус философского позитивизма, по меньшей мере.

Классический тип рациональности, предполагающий наличие наблюдателя в отношении объекта, и тем самым разграничивающий мир на данное и другое, привел и к соответствующим стилям мышления. Где есть возможность воссоздать экспериментальным путем условия первоначального пространства для изучаемого явления. Пластичность же современной мыслительной практики лишает человека статуса наблюдателя. Объект как таковой не имеет четкой границы в наличном опыте человека. Его границы даны в виртуальном пространстве, мало сопоставимом с практикой бытия. Данность становится проблемой сама для себя. Констатация не убергает исследователя от возможных ошибок, и в то же время это единственный путь обнаружить причастность к сфере не констатируемого объекта. И опять вспомним Демокрита: нужда и опыт были для человека учителями во всем, надлежащим образом наставляя это животное, от природы способное ко всяческому учению и имеющее помощником во всем руки, рассудок и умственную гибкость.

В учении о познании и о его видах Аристотель различал «диалектическое» и «аподиктическое» познание. Область первого – «мнение», получаемое из опыта, второго – достоверное знание. Хотя мнение и может получить весьма высокую степень вероятности по своему содержанию, опыт не является, по Аристотелю последней инстанцией достоверности знания, ибо высшие принципы знания созерцаются умом непосредственно.

Обнаруживая таковое и изменяя отношение к тайному каждый век развития человеческой мысли демонстрирует свойственное ему, тем самым, отношение к

традиции. XX век и этому понятию уделил большое внимание: целая сеть движений и направлений предложили варианты изучения древнего наследия. Были достойные внимания доктрины, такие как теософская, сочетающая индийское и западное наследие; антропософская – символически отразившая кризисный удел столетия вперед. Крипторелигиозность современного мира явилась следствием редукционизма XX века по отношению к традиции.

Мистика, эзотерическое, мистификация, лженаука, антинаука и многое другое – термины, зачастую «обличающие» аспекты познания, связанные с тайным, не вписывающимся в общедоступное познавательное кредо: причина – следствие, постулат – принцип, периодичность – закон и т.п. Так называемые неопознанные явления всегда вызвали интерес и массовые увлечения среди людей. Противоборство мистицизма и рационализма осталось в прошлом. Возможно, потому что и рационализм и эзотеризм, и мистицизм – порождают идейное многообразие. Обеспечивать среду для возникновения нового. Признание за мистицизмом и эзотеризмом определенной силы и воздействия на умы, на сознание и чувства людей – не менее веская причина изучать данное явление с позиции науки.

Таинственное, мистическое, эзотерическое не выразимы, но многие к этому стремятся. Понимание само по себе – это проблемная область не только в науке, но и в искусстве, в религии. Проблематизация процесса понимания, его возможная схематизация еще в начале XX века привела к изменению статуса как научного, так и религиозного познания. О динамике и причинах подобного изменения размышляли уже названные М. Поляни, Т. Кун, И. Лакатос, В. Гейзенберг и мн. другие.

Роль пограничных для познавательного процесса феноменов выявляет важное значение личностного фактора. Знание как таковое – наиболее призрачное понятие, в этом смысле личность ученого, религиозного деятеля является своего рода рубежом формирования представлений о себе, о другом для себя, о мире в целом.

Итак, рациональность диссонирует с принципами познания, которым отдает приоритет сам человек. Типы рациональности в том виде, в каком мы с ними сталкиваемся сегодня отражают сферу личного, часто религиозного опыта. Содержание таких типов рациональности всегда будет дифференцировано. Возможно описательные практики реализации этих типов рациональности один из возможных способов понимания изменений в науке в целом.

Литература

1. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. // Структура научных революций. Т. Кун. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
2. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, Изд-во новосибирского университета, 1997.
3. Решер Н. Озадачивающие явления // Вопросы философии № 1, 2002., с. 103 – 111.